

GLORY GLORY
GLORY
GLORY
УЯОЛД

Carinetta

GLORY GLORY
GLORY GLORY
УЯОЛД
GLORY GLORY
GLORY

16+

GLORY
GLORY
GLORY

Великолепие

Carinetta

Великолепие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43640125

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99818-6

Аннотация

Как же ей надоело! Все кому не лень твердят РАСШИРЯТЬ свой кругозор. И никто не велит ей при этом не утратить ОСТРОТУ зрения! Ведь можно силой расширить кругозор так, что всё вокруг окажется просто размазанным и бесполезным! Как ей, чёрт возьми, осточертели вот эти все «читай больше»! И никто не скажет ей: «Читай вдумчиво и вникай как можно глубже в каждый знак!» Ежиха Жанна Баклажанова учится на кафедре драматургии. А заодно – разглядывать паутину и не пораниться нитями собственного пера.

Содержание

Предисловие	5
Великолепно	6
Кафе, забитое бобрами	7
Кафедра драматургии	9
Браво, Баклажанова!	12
Декольте, плывущее под дождём	13
Письмо лосю Люсьену	15
Ублюдок барсук Борисюк	17
Переписка с Люсьеном	19
ЧП	23
Граф Котлетов	24
В бублик скрюченный репейник	27
Письмо Заратустре	28
Бобр Жан Палыч да хорёк Хорей Иваныч Люсьен!	30 33
Ежиный	40
Котлетов	41
Пока жива цензура!	43
День рождения Бобровского	44
Люцифер с рогами набок совращать не в состоянии	47 47
Хореюшка	48
Маргиналии	49

Просохни, старый Бриль! Торчишь, как козье вымя!	50
Сердце в бокал с шампанским	51
Как же я в этом исподнем явлюсь в Преисподнюю?	53
Сюрсон	54

Carinetta

Великолепие

Предисловие

Всякий раз, садившись перечитывать рассказ, я принимала первые его строчки за приказ к выполнению – и переписывала всё заново к чёртовой матери.

Великолепно

– Проще! Язык должен быть проще!

Ежиха Жанна суетно бродила по норе.

– Язык будет простой... И странный!

Солнечные стрелы протиснулись в крохотное окошко и вонзились в пол. Ежиха выстрелила в ответ любопытным носом, прищурившись от яростно-кирпичного заката, и смекнула: пора. Самое время охотиться за вдохновением!

Жанна прильнула к платяному шкафу, раскинула дверцы и влезла в вывалившийся на неё фиолетовый свитер. Выпрямившись перед зеркалом, заправила за ворот выющиеся иголки, уставившись на свою фиолетовую фигуру.

– Талии – литоту, груди – гиперболу! Губы накрашу красными неугомонными речами! Никто и не заметит их мертвецкую бледноту, если галдеть, не останавливаясь!

Жанна закинула за спину рюкзак с газетами и красками и встала по очереди в лакированные сапоги до самых ушей.

– А волосы заправлю в карандаши! Поэту сгодятся кучерявости!

Жанна выкатилась в гулкую шахту и захлопнула толстую круглую дверь. Нервно зазвенели бронзовые ключи.

Кафе, забитое бобрами

Жанна прокралась к барной стойке туго забитого бобрами кафе.

– Секста... О, нет! Септима эспresso – семи тонов обжарки!

Бобр-бариста издевательски посмотрел на Жанну.

– Намазать пенку жжёным сахаром или надавить сок из гусеницы?

– Ты что, кретин?

Жанна выпучила в ответ глаза так сильно, как только смогла. У Жанны были крупные красные очки, так что она, несомненно, выигрывала. Оба – в духе правильного воспитания – презренно продолжили свои дела.

– Посыпь пионовой пылью! – фыркнула Жанна вслед баристе из-за плечика.

Жанна забрала свой густой, как гуталин, эспresso и плюхнулась на свободный угол одной из табуреток.

Толстый пожилой бобр, расплавившийся в кресле напротив, отлепил от толстой газеты пенсне и устремил на Жанну. Над его макушкой отчётливо проявились мысли: «Что ты, нищенка, что ли? Или на диете?»

«Заткнись, поганец! – подумала в ответ Жанна. – И чего я только явилась в эту мокрую столицу, кишашую гадкими бобрами?!»

Ежиха расстелила на доставшемся ей угле стола кусок газеты, вырванный из рюкзака, смочила кисть в кофе, выдавила на неё из скрюченного тюбика жирную полоску жёлтой краски и приготовилась писать:

«Жанна Баклажанова «Великолепие»»

Кафедра драматургии

– Ну-с, Жанна-Ежанна, – заведующий кафедрой драматургии бобр Жан Павлович поднял на Жанну свои крылатые брови, – прочёл я твою новеллушку! Это вообще никуда не годится, Жанночка. – Жан Павлович понизил голос. – Ты же студентка Морской Академии Поэзии и Прозы, а не какого-то болотного училища частушек! Откуда в тебе этот дрянной жаргон?

– Так ведь натуральный... Так все бобры взаправду разговаривают!

– Когда же это правда становилась искусством, Жанночка?

Глупо верить на слово поэту!

Наивно верить взору живописца!

Если бы чтили правду сего света,

Они б свою не подстрекали в него вжиться!

– Помнишь?

– Ещё с гимназии!

– Вот и я, представь себе, до сих пор не изловчился написать красивую пьесу на таких словах, как «***», «###», «\$\$\$\$»¹. А я ведь профессор! Может, и дряхловат нынче... Но

¹ Так я и воспротивилась вставить сюда паршивые словечки – даже для примера! Не сумею и я написать новеллу на таких вот поганных словах, а я и подавно не Жан Пальч!

не выйдет дела из тощей брани! И кто ж это тебя выучил так безграмотно ругаться? Ругаться нужно деликатно! Риторически! Ты что, ни разу не напивалась в нашем буфете оперетты? Ты должна послушать, как выражаются доктора наук!

– Жан Палыч...

– Брань – перец жалящий! И начинить им торт – вот искусство! Значит, так, – Жан Павлович дёрнул круглую ручку ящичка и вытянул бумажонку, – меня нынче призвали на слёт романистов – те ещё говнюки. Делать там решительно нечего, но вот нажрутся эти гады прилежно. Вот тебе мой пригласительный. Если к четвергу добросовестно выругаешься в своём курсовом, так и быть, всыплю тебе зачёт по гонзо-журналистике!

Жанна, любопытствуя, вытянула дрожащий носик к билету.

– Спасибо-спасибочки, Жанчик наш Павлович! – Жанна выхватила билетик и покатила к выходу.

– И, Жанн, – завкаф поймал ежиху в дверях, – на кой чёрт ты пишешь лимонной краской на газете? Ну какой прок жёлтым писать по жёлтому? Не умеешь добросовестно изгадить торт – пролей хоть крем на лопату с дерьмом! Попробуй алый краплак. И посмотрим, как зазвучит рассказ, Жанна-Баклажанна. Как тебя по батьке?

– Анжеловна...

– Как такое случилось?

– 90-е, Жан Палыч. Ну, я пойду?

– Ну, иди...

Браво, Баклажанова!

Уже через неделю Жанна вернулась в кабинет Жана Павловича и подпрыгивала с туфельки на туфельку, нетерпеливо ожидая слова от внимательно читавшего её работу Бобровского Ж. П. – заведующего кафедрой драматургии.

– М-да, толку от этих ублюдков маловато, так я и думал! Орденов понабрались, а доблести – шиш!

Жан Палыч снова закопошился в ящичке.

– Нашёл! Сам бы поехал, да дел дурных невпроворот! Будет нынче спектакль в театре ссыльных. Поедешь на торжество к репрессированным и погнанным учёным физико-математических наук, – и шлёпнул картонный билет в Жаннину ладошку.

Жанна вернулась ещё через неделю. В запятнанном шампанским платье и без одного каблука. Перо, некогда украшавшее жемчужную диадему, было заткнуто за ухо. Жанна протянула завкафу залитый ликёром курсовой. Полминуты спустя:

– Браво, Баклажанова! Великолепно!

Декольте, плывущее под дождём

На скамье распахнулась толстая бабочка из газеты. По бокам за крылья ухватились тонюсенькие Жаннины пальчики. Под крыльями вызывающе звенел колокол пышной юбки, из которого нахально торчали острые чёрные туфельки.

К газете подплыл пожилой хорёк в очках, с белыми бровями и усами.

– Здравствуйте, Жанночка!

– Здравсьте, Хорей Иваныч!

– На твоё фланёрство любо-дорого глядеть! Всё кругом жмётся в собственные пальто, летит, не глядя, прочь! Носы сплошь попрыганы в кальсоны – и ты одна торчишь, как памятник: расправила плечи, распахнула декольте и плывешь гордым судном по мокрым улицам!

– А я так скорее согреюсь!

– Это, интересно, почему?

– С плывущим чинно декольте у меня куда больше шансов, что кто-нибудь угостит меня согревающим кофе!

Блузка швейцарской фольги

Сорвана с горьких плеч.

Наги ключицы нуги —

Позволили горечи стечь.

Бюст из двух долек печатных
Пахнет скамьёй варьете.
Жанна в атласных перчатках
Жуёт шоколадное декольте.

Письмо лосю Люсьену

Ах, моя Жанетт!

Ты знаешь, как пахнет дуб? Сотня дубов? Трогала ли ты когда-нибудь точно заржавелую кору алой сосновой кроны? И как же трепетно находить на ней маскирующихся паукообразных!

Ах, тайга... Жители здесь живые!

Простота ржаного хлеба, грубого и справедливого.

Всё же вынужден сознаться – мне душно оттого, что здесь не знают Данте.

Хоть я его и ненавижу!

Но мне бы нравилось знать, что окружающие знают объекты моей ненависти.

Понимают меня...

Твой Лось Люсьен

Сладкий мой Люсьен!

Этот приморский мегаполис – исполосованный реками и изъеденный озёрами – вызывает во мне столь же бурные столкновения!

Хоть этот потрёпанный городишка и стоит на берегу моря, но по всяким историческим причинам здесь почти не осталось коренных морских жителей.

И даже столкнувшись с самим Сатаной в одном вагоне

метро, вы, лишь спешно обменявшись кивками, едва приподняв шляпы, быстро размажетесь по разные стороны жизни.

И никогда мы с ним не встретимся у соседних сосен, рассматривая пауков!

Твоя Жанетт

Ублюдок барсук Борисюк

Посреди коридора студент-барсук Игорь Юрьевич Борисюк грандиозно швырнул конспект в преподавательскую физиономию и громко вылетел из Академии.

– Какой он бунта-а-а-арь... – пролепетала белочка Бэллочка и рухнула в обморок.

Чудно быть бунтарём, коль вас не ранят языки!

Если тебе нет дела до чужих мыслей о тебе самом – кроме тех, что влюблённые.

Когда ты так уверен в важности своих дел!

А каково тому, кто борется с толпой – и борется с собой же? Кто мучим собственным бунтарством? Кому ломают кости эти злые языки! И он, с переломанными костями, всё равно продолжает борьбу! Кто жаждет и не славы вовсе, а хотя бы НЕОТВЕРЖЕНИЯ – как воздуха глотка на суше...

Кто страшится нелюбви всеобщей – сильнее своей гибели! Ревёт, как брошенный слепой детёныш.

Кто, прежде чем сопротивляться яростной толпе, мужественно сопротивлялся самому себе, сопротивлялся своему сопротивлению. Кто с ужасом осознаёт, что всё же предпочтёт остаться одиноким, брошенным, отвергнутым, чем наступит себе на горло!

Кто приготовился быть осуждённым целым миром, чтоб ни за что не предавать себя. Кто, глубоко обдумав

свою честь, переборов свой жуткий страх – побитым взглядами остаться, приняв в себе отшельника отныне, лишь тогда швырнёт профессору конспект в физиономию?

*И он на вид будет самоуверен! Да только с потрохами, накрученными на позвоночник – от отчаяния и решимости! Он утаит свои кровоточащие глаза от глаз пустых. В лесу сидит один и дышит тяжело. Он в сотый раз переживает собственную **БРОШЕННОСТЬ** другими...*

Жан Павлович поднял глаза на Жанну.

– Вот в этом вся ты, Жанночка. Убери.

– Но почему?!

– Да потому что большинство сейчас вообще не представляет, о чём здесь речь!

Нагая, пью кофе с Фрейдом.

Чихаю и трескаю плюшки —

Вся грудь в кофейных веснушках.

Ноги увязли внутри

Болота пурпурного пледа.

Руки в кофейной пыли —

Как звёздное небо...

Переписка с Люсьеном

Моя родная Жанетт!

Давеча я имел неосторожность познакомиться с одной впечатлительной и доверчивой особой – белочкой Бэллочкой. Она, точно исполняя долг, бурно поведала мне о некоем барсуке Борисуке, вылетевшем из вашей Академии.

– Представляете, Люсьен, его огромный дух просто не смог уместиться в тиранические рамки здешнего образования! Он даже сам мне об этом подробно рассказал!

Стоит ли разъяснять тебе, какой острый удар в сердце я испытал в тот самый миг?

Представь... Каждую ночь ты засыпаешь, чтобы очнуться в преисподней... Где бьёшься на мечах с чудовищем – кентавром с головой быка. Каждую ночь ты всеми силами – всех своих мышц – борешься за свою хрупкую жизнь! Пот течёт по твоим ранам, ты лежишь на жгучей земле и зубами еле сдерживаешь меч убийцы. И каждую ночь бой не может кончиться. Ты просыпаешься...

Бредёшь обессилевший в Академию, а дождь будто умывает твои свежие раны. Этот бой живее твоей жизни! Ты видишь, как прохожие бегут и улыбаются! Тебе и в голову не придёт, что они не бьются так же по ночам, как ты! Конечно же, это происходит с ними! Просто они справляются ловчее, потому шагают и живут бодрее. А ты всего

лишь недостаточно хорош. Ты жалок! Жалок...

И вот однажды слышишь диалог:

– Можете вообразить: по ночам он борется с чудовищами!

– Какое великолепие!

Я точно глотал яд, горячо стекавший внутрь.

Выходит, этот некто бесподобен? Выходит, с демонами борются не все? Им восхищаются? И у него остались силы, чтоб хвалиться?

Яд! Я знаю ему имя. Несправедливость.

А этот Борисюк представить мог, как больно каждый день бороться за своё слово – тихо и без спектаклей? Бороться за свой взгляд лишь и не склонить его под жгучим стыдом, коим тебя стремятся усмирить.

В остервенении дописывать постыльную лекцию – ножом на собственной шкуре?!

Каково бороться с самим собой? Метаться между нуждой и желанием – делать свое дело по чести и за это быть наказанным лентяями – и манящим соблазном – хотя бы раз наплевать на свою честь и хоть в этот раз не быть облитым позором, единственный раз?..

Приготовиться наступить себе на горло – ради сладости принятия другими... И осознать, что наступить себе на глотку ты не можешь, НЕ МОЖЕШЬ...

Это больнее даже, чем терпеть ядовитые плети языков и взглядов!

Каково в сотый раз смириться с неизбежностью – опять бороться и терпеть позор? Не в силах предать себя? Что тяжелее смерти!

Твой затравленный Люсьен

Дорогой мой Люсьен!

Не твоя вина, что крикуны находят зрителей.

Правила стиля выдуманы специально для людей с дурным вкусом: сидя в тесной клетке, имеешь меньше шансов шагнуть не туда.

Они усердно и громко восхищаются всеми признанными гениями!

Они же делают двойную работу – беспрестанно цитируя их слово в слово! Они высмеивают уже сполна высмеянные автором пороки, и при всей начитанности им не хватает ума понять, что они высмеивают самих себя!

Они выучили ряд нехитрых правил – не мешать красное с белым, а горькое – с кислым – и думают, что, лишь соблюдая их, уже творят прекрасное!

Любой мало-мальски образованный дурень – имей он из этого выгоду – выучится распознавать великое!

Но лишь тот, кто сумеет узреть прекрасное, перепачканное ужасным, признать ещё не признанное, – только тот по-настоящему видит и прекрасное в прекрасном.

Моя тётюшка была социопаткой. Мне отчего-то кажется, что такое генетическое наследство имеет нрав де-

лать ход конём: от тётушек – к племянницам. Как думаешь, мог этот дарёный прискакать ко мне?

Я люблю! Я беспощадно люблю всех людей на нашей планете! Беда лишь в том, что их всего-то сотня-другая. Да ещё и в том, что даже среди этой пары сотен любимых мной людей добрую половину я добросовестно ненавижу...

Как ты – ненавидишь Алигьери.

Твоя БЖА

ЧП

– А не забросить бы нам твою новеллу на премию, а, Жанн? – Жан Палыч оторвал глаза от Жанниной писанины. – Вот только опоздали мы: нужна каракуля от цензора, а приём заявок закончат в понедельник. Есть тут у нас один ЧП – честный правитель. Граф Котлетов – джентльмен очень порядочный. В воскресенье у него законный выходной, но он тебя примет дома. Я попрошу.

Хороший человек научит плохому, но плохого не посоветует.

Граф Котлетов

На пороге скромного каменного домика Жанну встретил интеллигентный серый кот в очках и синем халате.

– Проходите, Жанна.

Граф Котлетов пригласил ежиху за круглый столик, где уже испарялся горячий чайный сервиз. Сам он сел напротив и налил Жанне чай.

Жанна оглядела дом изнутри, описав своим носом огромный круг: высоченный потолок, потёртая мебель, чистый и опрятный беспорядок. Гостиную, столовую с чайным столиком и кабинет разделяли метровые стопки из старых книг; книжные стены встречались здесь всюду, с кучей занятых вещиц на них: ящики с пластинками, фамильные фотоальбомы с полуторавековой историей и бессчётное количество исторически по-настоящему ценных сувениров. На стенах висели чёрно-белые фотографии, на которых граф стоял в обнимку с выдающимися учёными, композиторами и лётчиками. А к углу рабочего стола был прислонён ещё тёпленький после игры контрабас.

Граф Котлетов жил в полном духовном достатке. Однако Жанна не выдержала:

– Я наверняка буду стотысячной, кто спросит...

– Где мои богатства? Их нет за ненадобностью. Но признаюсь, что я не раз был озадачен сложным выбором... За-

ниматься государственными делами – мой долг по наследству. Бывало, сидишь в кабинете, а тебе секретарь бумажонку суёт на стол: «Приказ. Стащить столько-то». «Артём Тимофеевич, семь начальников уже подписали, недостаёт только вашего одобрения!» Я разворачивал несчастный листок с приказом обратно, в сторону дверей, и ничего, разумеется, не подписывал. И ждал эксплозию. Долго возвращать пустые бумажки мне не пришлось. Потому я сместился в сторонку – в искусство. Здесь кража – дело добровольное.

Граф отхлебнул из чашки.

– Скажи-ка, Жанн, как ты относишься к подхалимам?

– С отвращением!

– Вот именно! Знаешь, отчего я терпеть не могу подхалимов? Почему они, чёрт возьми, приводят меня в бешенство? Да потому что они оскорбляют моё достоинство и самолюбие! Тот, кто лижет пятку, бесспорно, унижается. Но только если сама пятка не чиста! А если пятка совершенна, унижен тот, кто свою честную пятку позволил облизать липкому льстивому языку! Достоинство не велит мне нагибаться к перепачканным стопам. Оно же ещё больше брезгует вступать в болото грязных ртов! Воровать у умных не позволяет совесть. У глупых – гордость! Так и живу в нищете. – Лукаво улыбнулся Котлетов, оглядев своё царство. – Давай сюда свою заявку.

Жанна протянула листок. Граф Котлетов достал из кармана халата фамильное перо и расписался.

– Вы даже не прочтёте мою новеллу?

– Раз сам Бобровский попросил, значит, она, бесспорно, стоящая. Прочту за ужином – исключительно для удовольствия и здоровья.

В бублик скрюченный репейник

В бублик скрюченный репейник —

Коньяком поддатый Ёж.

При дворце колючий веник

И созвездиям крепёж.

Каждый божий понедельник

Рэд хедбэнд и джинсы клёш,

Прелесть, как хорош

Великолепный Ёж.

Письмо Заратустре

Слушай меня, Заратустра!

Ты, достигший вершины своей собственной мудрости – и одной из вершин мудрости мира!

Ты, кто взобрался на самую вершину своего дерева, по очереди оседлав каждую ветвь и вкусив всякий плод её!

Как при этом можешь ты видеть в женщине только ступни – грязные истоптанные ступни?! Что же твой нос постоянно делает на их уровне? Неужто ты готов признать, что женщина, смеясь, летает выше твоих деревьев и, смеясь, щекочет твои вершины только ножками?!

Что ж, есть и такие! Но не тешься, что ты видишь их совершенные порхающие ступни! Как и мужчины, есть женщины, что не одолели ни одной высоты, не взобрались ни на один стебель и стоят на голой земле грязными ногами. Если ты во всём женском видишь только грязные ступни, значит, ты, сидя на своей вершине, прогнулся со всем своим деревом мудрости вниз и упираешься носом в ступни тех, кто топчется на земле! Как смел ты взобраться на одну из вершин мудрости и своим тяжёлым невежеством о женщине склонить эту вершину к самой земле?!

Какова цена теперь этой мудрости – благодаря твоей глупости?!!

Я люблю врагов своих, как ты учишь! И моим огромным

хлѣстким крылом, не брезгующим со своей высоты достать до пыльной земли, – я даю им тебе смертоносную пощѣчину!

Такова моя ВОЛЯ.

Бобр Жан Палыч да хорёк Хорей Иваныч

Жан Палыч и Хорей Иваныч сидели на известной скамейке.

– Что чувствуем? – Бобр замахнулся и что было мочи врезал своей лапой по плешивому хорьковскому уху.

– Какого чёрта, Жан Палыч?! Ё-моё!

– Больно? А хошь узнать, насколько больнее было бы мне сейчас на твоём месте?

– Верю! Представляю со всей ясностью, Жан Палыч, блин!

– Им больно, лишь когда в них швыряют брёвна. Ничего меньше они не почувствуют. Я лично брёвна эти игнорирую, будучи нисколечко ими не задет. Слишком уж сложно пушинке быть подбитой бревном. Всё равно что пальцем пытаться раздавить инфузорию-туфельку. Другое дело – ворсинки. Микроскопические лезвия! Вы и не ведаете об их существовании! В то время как меня они полосуют, точно кнуты. Брёвна, стоит сознаться, всё-таки тоже калечат таких, как я. Занозами!

Двое приятелей наблюдали церемонию венчания индюшачьего семейства. Пернатые навзрыд кудахтали над разукрашенной косоглазой невестой.

– Видишь, экое бревно их проняло! Выбило-таки слезин-

ку! А мне рыдать хочется, глядя на их отвратительные слёзы. Занозами их слёз исколот я... Недавно я был в этом же костёле на службе с органом сопровождением. И вдруг меня начало трясти на арии Пахельбеля. Она просто вытряхивала из меня слезу за слезой! Обычно я до последнего, что есть сил сопротивляюсь взволновавшемуся морю подступающих слёз. Лишь сильный шторм бы одолел меня, пробив плотину век и хлынув из глаз! А в этот раз, едва волна коснулась края, я тут же ей позволил выплеснуться на свободу. И поплатился я за это, Хорей Иваныч! Ведь я так никогда и не узнаю, насколько глубоко мог пробить меня Пахельбель, не выпускаемый из глаз! Я не дал этому борцу одолеть меня – сдался ещё до боя! Срубил цветок, не дав ему расцвести. Обесценил. Продешевил! Нужно было держать чувство под семью замками всеми дьявольскими силами! Оно должно было продавить дно моего сознания, заполнить все щели моей души, прежде чем прорвать плотину век! Я должен был давить его, втоптать как можно глубже – пусть покажет, из какой грязи сможет оно вырваться! Чем ниже дно оно отыщет, тем глубже и вонзит в меня свой меч навеки! Но я так никогда и не узнаю ему цену... Я не испытал его. Как воин должен познавать себя в борьбе, так чувство должно испытывать себя! Лишь сквозь толщину прорванной плотины оно узнает себе цену! Но лучше бы ему не вырываться вовсе... Застыть во мне подводною рекой, без света заточённой в духе! Так чувство крепнет, как вино, и будет сочиться поти-

хоньку из глубин – всё слаще с каждым годом!

Рассыпавшийся по полу подгнивший виноград – точно в ярости сорванное с плеч ожерелье. Свеча, ссутулившаяся над кофе. Распахнутые обёртки шоколадных плиток напоминали убитых птиц. Салфетки, скомканные в розы. Обьедки от обеда должны напоминать этюды! Так считала Жанна.

Люсьен!

Люсьен! Люсьен!

Ты должен понять меня, слышишь? Если не ты, то я рискую так и остаться единственной во всём мире... Сумасшедшей!

О, эти тошнотворные нравы, Лю! Отчего же они меня так губят?

Эти брыдкие ценности убивают писателя. Щёголи нынче ведут себя по последней моде – читают! Нынче модно читать! Ты слышишь меня?! Необходимо прочесть как можно больше книг! Залпом! И неважно им совершенно хоть сколько-нибудь углубиться в прочтённое! Созрять мешок пирожных гадкими прожорливými губами! А потом плевать жирными крошками – броскими цитатами в тёмную публику! Что говорит об абсолютном НЕПОЗНАНИИ и НЕПОНИМАНИИ этих цитат – выданных из густого меха клочков! Звонких и поражающих звоном своим бездумные сердца! Бессмысленных словечек – уже без мысли, заключённой в целой книге!

Но ведь нельзя ломать жизнь каждую неделю... Верно? Верно, Лю?!

Каждую страницу я прочитываю и пережевываю четыре раза!

Перво-наперво я жадно впиваюсь в тонкую кожу сказан-

ного – простой порядок слов. Затем вонзаюсь в мясо потаённой сути, прожжёвываю и вышскиваю в жилах все возможные иносказания, ища, к чему же ведут эти жилы. В третий раз я вгрызаюсь в кость. Я ломаю стену между собой и Автором. В этот миг я сама становлюсь этим Автором! Я понимаю всё сказанное им изнутри! Чую по Его спине скользкий трепет. Слышу Его звонкое дыхание... Тихую безмерную любовь к своим словам!

И напоследок я присасываюсь к мозгу в кости и выпиваю всё без жалкого остатка! Я отдаю в залог свой дух Писателю перед прочтением. И Он кладёт его на дно написанного. И, сквозь строки раскопав его опять, я возвращаю себе дух свой, до отвала напитанный грузжёнными сверху знанием! Дойдя до дна строки и вызволив свой дух из-под неё, я вновь становлюсь собой, а не Автором! И, будучи уже собой и с головой своей, решаю наконец, в чём я всецело солидарна с Ним и против чего неистовствую, протестую! За что я обнимаю всеми силами Его! И за что тут же илю Ему пощечину...

Вот так я точно силой продавала книгу чрез лезвия своих мозгов и без усталости перетираю её, пока та не будет в клочья!

Ещё и ещё, снова и снова – так, чтобы безжалостный песок и едкие осколки книги беспощадно гнули лезвия! Это настоящая битва разума и знания!

Так книга, перетёртая в пыль, всживает в мои клетки

и будто перестаёт существовать. Кто в ней был? О чём была она? Ни имён, ни ясной череды событий! Будто бы и зря читала.

Но нет! Ведь мозг после подобной пытки уже не будет прежним никогда... Он теперь изогнут и заточен книгой, его извилины всё больше скрючены и обросли упругим мускулом. Но главное – прах книги, плодородная земля на дне моего разума даёт извилинам вырасти в новое пространство! Изогнуться в ещё больших измерениях! Взгляд мой, как и прежде, видит тот же мир подле себя, с одним различием лишь: мир стал на одно пространство больше. Люди стали полные – я вижу сотни граней их! Скрытых от меня доселе – в прежнем, ещё тесном пространстве моего черепа...

Так всего одной – тщательно отобранной, как любовник, книгой – я ломаю свою жизнь.

Но нельзя ломать жизнь каждую неделю...

Стыдно не знать! Стыдно не читать?! И что с того, что все они прочли по тысяче книг? И что из них они узнали? Сколько выжили?!

Что с того, что ты зовёшь друзьями сотню гениев и помнишь их по именам и отчествам?!

Нельзя же любить всех великих! Каждому быть лучшим другом! Нельзя быть лучшим другом тысячам! Невозможно лежать в одной постели с Тысячью – пусть и Великой – и каждого любить! А если не любить, так для чего читать?!

Я голая неделями, годами трусь с Великим, пока он не

оживится в мою плоть! Читая книгу, я неделями беседую с Возлюбленным в сокрытой ото всех постели... А что они? Что они?! Лишь наскоро треплются с сотнями Великих в переулках как с прохожими?

Чем больше Лиц и их Творений любишь, тем меньше любишь каждого из них...

Невыносимо – всякого пустить в своё нутро! И приютить на глубине...

Нельзя же любить все симфонии разом, иначе у тебя нет характера! Нет вкуса, чёрт возьми, раз всё тебе одно и то же!

Любить каждого друга нужно научиться. Как и каждую сюиту. Мало помнить каждого в лицо – нужно знать и помнить все их задницы. Ты ведь всем своим сердцем любишь и ненавидишь всё, что любишь и ненавидишь! В тебе ведь не дремлют пустоты! Всем сердцем ты вместил любовь к своим друзьям – каждый уголок его старательно занят делом любви. С приходом нового друга негодже втискивать его и отбирать места у остальных!

Ты должен **ВЫРАСТИТЬ** новый кусок сердца. Для Него – и лишь Его новейший закоулок! Похожий на Него – это Он сам в Тебе теперь! Ты должен научиться полюбить ещё одну сюиту – вот зачем глубокий ум должен противиться! Сопrotивляться всякой наступающей любви! Каждой приглянувшейся сюите! Всякой подмигнувшей увертюре!

Они должны наращивать себе наши сердца! Бороться за

свои места в твоём! А ты уверен должен быть, что ты ещё способен: создать, любить, хранить и охранять.

Твоя Жанетт

Здравствуй, мой драгоценный дружочек Жанетт!

Я получил твою новеллу – и восхищён!

Но считаю своим долгом предупредить тебя, что она обречена на провал, и тем самым убережь моего друга от боли разбитой надежды!

Моя Бэса-Бэса... Зачем ты пишешь для людей? Ведь люди – бездарные чтецы! Людям лень выискивать алмазы среди грязи – им даже лень всмотреться в чистенький алмаз, подсунутый под нос! И ты хочешь заставить их читать под микроскопом – чтецов с испорченным, поганым зрением?

Твой шедевр должен быть подписан громоздким кровавым шрифтом, мозолящим глаза издали: «Здесь шедевр!», «Это написано всеми признанным гением!», «Это разумно, это престижно знать!» А юным авторам, как ты, лучше бы вырядить и напонадить каждое слово. Чтоб издали любому дураку стало понятно: вот это, стало быть, красоты! Кто же всмотрится в изгибы губ и надломы век – красоты, познаваемые лишь с большим трудом?

Мой любимый бедный Хемингуэй. Да никто бы нынче и не открыл его пыльной книжонки! Кабы не было начёркано на ней: «Хемингуэй! Известный, почитаемый умами!» Раз читаешь, значит, умный! Достаточно и сделать вид, что

различаешь буквы! Да парочку из них прилежно подучить в цитате. Только не забудь повесить на своём заборе целый рассказ – о своём чтении его рассказов!

Люди перестали мыслить критически. Им некогда очищать от пыли клад. На нём должна быть табличка с яркой надписью: «Здесь клад! Под пылью, правда». А алмазов в этой пыли они всё равно не найдут, хоть если и примутся! Не различат! Будут хвастаться табличкой!

Ты запеленала свой смысл в тысячу пелёнок и хочешь заставить людей старательно разворачивать их, чтобы хоть посмотреть: да есть там клад или нет? Ты хочешь заставить тех, кто не увидит клад, – сунь им клад этот под нос и на подносе! Им нужны чёткие, короткие: «Сей автор – гений», «Роман – шедевр»! Если ты инакомыслящий, то очень громко отвергай! Ценитель – восхищайся ещё громче!

Глупцы должны поверить, что под толщиной пелёнок их ждёт алмаз! Которого они не ждут... И искать всё равно не будут. Написано, что есть! Значит, он – обладатель алмаза! А что это? Да какая, к чёрту, разница, некогда выяснять! Он же сейчас все почести обладателю алмаза пропустит!

Ты думаешь, хотя бы треть поганых книголюбов спустились до сокровищ? Взгляни же, КАК они цитируют творцов! Жалкие ошмётки – вырванные перья! Никто из них и пары тряпок не распеленал – нашли вонючих испражнений пятна и сочли, что разгадали смысл! И лишь дерьмо да рво-

ту выдают в цитатах! Но тот, кто смысл понял, – тот молчит. И не цитирует зазря! Лишь потому, что понял он чуть больше, чем слова.

Лю

Ежинный

Из-под зонтика дымок —
Это курит неуклюже
Стан ежинный. Гордый. В луже —
И на дрогнувшей от стужи
Окосевшей паре ног.

Котлетов

«Культура – это дым, разбой и разврат в пределах интеллигентности».

...Так про себя думал граф Котлетов, разбирая письма от своих добрых сотоварищей, соразвратников и соразбойников со всего света.

А что на деле? Что на улицах? Дрянь, развод и разлад, ограниченные законом. Дети, как беспризорники, вынуждены сами себя учить плохому!

Слепые помогают зрячим чувствовать себя людьми.

Инвалиды уступают друг другу места.

И что же мы делаем со своими жизнями?

Живём их?

Забываем?

Живём и забываем.

Когда область знания заканчивается, а знать больше не хочется, но объяснить же как-то надо, вот тут, за гранью познания, начинаются суеверия и домыслы. Я-то знаю границы своего незнания и не застраиваю пустоты выдумками!

Я просто не знаю, почему иногда коты предвидят во снах катастрофы. Я даже не знаю, правда ли это! И не знаю, неправда ли это.

Неизвестных больше, чем уравнений. Вот и всё. Что знаю, то знаю (с определённой вероятностью!). А почему я трижды

не смог купить билет на один и тот же стратостат, знает, наверное, кто-то другой. Не знаю я его. Или знаю. И не знаю, что знаю...

Пока жива цензура!

Пока жива цензура,
Живёт литература!
Заточенная грань,
Срезающая брань,
Осеменяет улицы,
Плодящие поэтов!
И вдохновит на замысел
Обыденную пьянь.

День рождения Бобровского

– Ой, что боги подумают?! Что боги обо мне подумают?!

Хорей Иваныч мастерски перебрал.

– Жан Палыч! Я когда выпью-с, так мне такие мысли в мою дурную голову лезут, что даже Дьяволу сказать стыдно!

– Эх, Хореюшка! Всё ничего, пока мы живы! Потому, если пилишь сук, на котором сидишь, подпили-ка заодно и тот, на коем однажды решить повеситься!

На дне рождения Жана Павловича собралась вся королевская рать.

Барбариса Карловна, жена Бобровского, была уже навеселе и весела. Её пышное каре вздыбилось от частого заливистого смеха и придавало ей очарование, особое к ней доверие – как к даме искренней, честной, живой.

В бордовом бархатном платье она напоминала мягкую вишню.

Идеальная женщина и должна быть как вишня: зрелая, пьяная и слегка помятая.

Не страшно, если бродит! Хуже, если просто вяжет.

Бобровская была физиком, что способствовало её неподдельной любви к поэзии.

Но королевской рати всё до п***.

– Вы уже слышали? Герман по последней моде – наркоман-сыроед! Он замачивает героин в холодной воде с вечера!

– Да-да! А как вам наша Лакрица Михайловна? Муж носит её на руках! Ведь в кандалах, что он на неё надел, ей просто невозможно ходить!

Все гости подняли бокалы и чокнулись.

Барбариса Карловна подплыла к кучке чокнутых и стащила канапе.

– Иной раз одежда столь подчёркивает наготу!

– А иной раз и превосходит!

– Порой гипертрофирует!

– А как появляются ёжики?

– Вырастают из репейника!

Хорей Иваныч приобнял Котлетова.

– Бог создал человека?

– Я не верю в жизнь после смерти.

– А вы хоть верите в смерть после жизни?

– Бог ли создал человека? Ведь в этом почти тот же смысл, что труд создал человека. Когда человек стал сознавать самого себя, ему пришлось отлучать себя от природы-матери, и тогда он понял: есть Я и есть ТО, ЧТО ВОКРУГ. Человек родился – вышел из матери-природы. Лишь отлучившись, он смог увидеть Её отдельно от себя. Лишь осознав себя, он смог оценить Её могущество и наградить природу-мать божественными силами – как всякое дитя видит в матери всезнание и всемогущество. Когда мать сделалась Богиней, тогда создался человек. Потому что отделился и осознал себя – родился и стал Человеком. Бог создал человека.

– А скажите-ка, Котлетов! Так, по-вашему, Бог существует?

– Оглянитесь! Человек создал мир по своему образу и подобию! Нас окружают наши мысли! Бокал в вашей лапке был когда-то всего лишь маленькой неуклюжей мыслью. И во что она выросла? Вы только поглядите, в каком костёле мы стоим! Поднимите глаза на его купол! Это Бог подначил человека его сделать! На какие архитектурные подвиги человек пошёл во имя Бога! До чего додумался! Ведь вся эта, чёрт возьми, вера в Бога стала ощутима нашими руками! Прикоснитесь к фрескам! Вы смотрите на всё это и до сих пор не понимаете, что натворил этот ваш Бог? Бог существует! Человек его создал.

Люцифер с рогами набок совращать не в состоянии

В бессознательной канаве
Я на дне своей морали,
Где подпитые сирены
Все галюны заблевали.

Перебитые стаканы,
Сплошь осколки брани, пьяни.
Люцифер с рогами набок
Совращать не в состоянии.

Заспиртованные спруты,
Бесов спившиеся трупы...
В кренделя – закуски ради —
Наши ценности погнуты.

Хореюшка

Хорей Иваныч толчком в грудь остановил прохожего, дабы узнать, как пробраться на Грязную улицу:

– Здравствуйте, милый! Как мне пробраться на Грязную улицу?

– Стоп, любезный! Кажется, вы не произнесли какого-то привычного слова! Как же это... Извините! Вы не извинились, гад!

– За что же я должен просить прощения? Если я ещё только собираюсь вам врезать?

– За беспокойство! А за что же ещё все его просят?!

– Я пожелал вам здоровья! Его должно хватить, чтоб справиться с нанесённым беспокойством? И что вам толку от пустых извинений?

Маргиналии

2

На форзаце бетонного урбана
Толпы скрюченных букв
Сбились погреться в компании
Отнюдь не печатных слов.
Рукописные – и все разные!
Не похожи на штампа шрифт!

Собственным почерком связаны —
Не вписались в крипт.
Мы – маргиналии!
Бетонного переплёта!

Средь драм и трагедий журнальных,
Средь рати штампованных букв,
Шагающих строем по улицам
Тесных страниц!
Мы – плевки перьев дрожащих,
Мы – кляксы столиц!

² Маргиналии – «находящиеся на краю», набросанные на полях книг (тетрадей, писем) рисуночки, сомнительные мнения и всякие комментарии, порой не в тему и не в кассу...

Просохни, старый Бриль! Торчишь, как козье вымя!

Просохни, ржавый Бриль!
Твой род бесследно вымер!
Отпугивая пыль,
Торчишь, как пражский вимперг!

Поёшь про вязкий плен
В тумане над заводом.
Просохни, ржавый хрен!
Твой род бесследно вымер!
А ты, отстав от рода,
Торчишь, как козье вымя...

Сердце в бокал с шампанским

Ах, скрипичный оркестр!

Точно осиный рой. Осиного роя вой! Шёлковыми смычками режет масляную плоть.

А вы любите смотреть, как сгорает свеча?

Как выпускает дух, отпуская шёлковый шарфик дыма?

Жанна сидела напротив Люсьена за столиком в буфете оперетты. Безупречно счастливая после представления.

– Посмотри, какая у тебя тонкая кожа! Какие фрески из вен! Но разве можно вот это продать? Если бы было возможно истончить кожу, обнажив рисунок вен, за деньги, ты была бы эталоном! Но нет! За деньги можно кожу лишь раскрасить и разве что вышлифовать. Лишь потому эталон – не ты.

Жанна окунула смеющийся взгляд в своё шампанское.

– Кажется, я женюсь... Нет, со всей уверенностью.

Жанна подняла чёрные глаза обратно.

– Я женюсь на Бэллочке.

Жанна, опустив презренно веки и поджав губы, содрала с груди своё сердце и бросила в бокал с шампанским.

– На том, похоже, наша дружба оборвётся.

Торчит, как фонарь, над Заливом

Лось с нахальным отливом

И кудри свесил с обрыва.
Лося с нахальным отливом
Ветер хватает за гриву
И палантином сопливым
Люсьена бьёт по рогам.

Бэллочка в ныне рабочей белоснежной ночнушке открыла
свою собственную умывальню на Грязной улице.

– Она умывает лица огнём!

– Огонь – это же водопад, падающий вверх!

Он смоем поганые мысли. Обожжёт глаза, вlepив добрую
пощёчину по окаменевшей роже.

Как же я в этом исподнем явлюсь в Преисподнюю?

Это не жизнь...

Я запиваю слюной

Бутерброд нищеврода.

Мёд. И его шерстяной

Оползень катится вниз

По пищеводу.

Под дверью всмятку ключи,

И громко разбита лучина.

Соседям – кричи – не кричи,

Что я без пяти – мертвечина!

За ворот фальшивого бренда

Заброшу паршивого бренди...

Что ЖЕ ЖИЗНЬ ЗА ЗАПАДНЯ?

Без денег и сдохнуть нельзя!

Ведь как же я в этом поганом исподнем

Явлюсь в Преисподнюю?

Сюрсон

Жанна цокала по пустым залам Академии, лишённым душ. Протиснулась в дверь кафедры драматургии, где горел слабый свет. Восковая фигура Жана Павловича застыла в скрюченной позе с жуткой гримасой. Жанна обошла её кругом, касаясь пальцами стола и вещей, и смирилась: пора унести ноги.

Этот мир быстро разъедает время. И даже восковые статуи скоро исчезнут. Не будет ни Бэлочки, ни графа Котлетова, ни Люсьена. Мир скоро испарится. Пора домой.

Жанна обернулась – взглянуть напоследок. Жан Палыч исчез.

Бжа, онемев всем телом, брела по пустым летним улицам. Она плыла в холодном зное. Но неизбежно попала в свою нору. Она долго стояла у круглого дверного проёма, решаясь войти в свою комнату. Там кое-кто был.

В углу сидел тощий пожилой мужчина с редкими сальными патлами. Он был одет в пыльную кожаную куртку и пыльные кожаные штаны. Он с отвращением смотрел в стену своими прозрачными мокрыми глазами.

Бжа набралась воздуха и храбрости подойти к нему. Трясаясь от страха, она стала трясти и его за плечи.

– Доволен?! Отец! Такими ты видишь Мир мой и Суть мою? Диктаторами?! Пустошью?!

Патлатый мужчина медленно вонзил в неё глаза, источающие презрение и яд.

– Не я. Писатель. Ты!

P. S.

Спасибо моему дорогому Ване за тёплое сердце этой повести...

Спасибо моей Аде за потрясающую идею, выбившую почву из-под ног.

Спасибо Анжеле за имя Жанна, вернее, за всё, что в нём теперь таится для нас.

После «Родофиалы» я зареклась продолжать самоистязания писательством.

Но инквизиторы не бывают бывшими.

Ваша, Ваша, ВАША К...

P. P. S.

Иллюстрация авторская.